

© Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.10)

УДК 811.161.1

КОНСТРУКЦИИ С МЕСТОИМЕНИЕМ *МЫ*: ФОРМИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНОЙ ИЛИ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Б. Ю. Норман (Минск, Республика Беларусь), А. М. Плотникова (Екатеринбург, Россия)

В статье на материале русского языка рассматриваются языковые аспекты создания социального автопортрета говорящего через его отнесение к множеству лиц, с которыми он себя объединяет. Анализируются синтаксические конструкции с семантикой таксономической или оценочной характеристики, построенные по модели «Мы – N», где N – существительное или местоимение-существительное. С опорой на данные идеографических словарей выявлены наименования совокупностей лиц в русском языке, показаны некоторые различия между собирательными именами и формами множественного числа. Наиболее типичным способом коллективной самопрезентации является использование в качестве предикатов слов, называющих социальный индекс, т. е. профессиональную, религиозную, политическую и другую принадлежность лица к социальным группам. Например: мы писатели, мы ученые, мы православные, мы пролетариат, мы крестьянство. В формулах самоидентификации местоимение мы служит средством выражения коллективистской идеи, подавляя отдельность его членов и фиксируя целостность того множества, которому приписывается индекс мы.

Репертуар лексических единиц, используемых для коллективной идентификации, характеризуется функциональным разнообразием, что обусловлено множеством социальных ролей, которые выполняет человек, будучи членом различных макро- и микроструктур. Каждая из рассмотренных в статье пяти моделей связана со стратегиями речевого поведения, при которых идентификация с группой лиц направлена на конструирование личностно-значимых целей, ценностей, убеждений.

Особое внимание уделяется таким конструкциям, в которых самоидентификация используется для создания речевой маски, особого художественного образа. Анализируются

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005)

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: boris.norman@gmail.com

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: annamp@yandex.ru

метафорические выражения, позволяющие создать уникальные характеристики идентичности. Будучи с формальной точки зрения конструкциями со значением коллективной самоидентификации, содержательно такие конструкции служат средством самоидентификации говорящего, его интенции быть включенным в некий коллектив.

Ключевые слова: местоимение *мы*, семантика, прагматика, синтаксические конструкции, идентичность, социальный статус

Интеграция человека в сложную систему социальных отношений предполагает обмен информацией, установление и поддержание контакта, оценивание себя и социальных групп с точки зрения отдельных поступков, образа жизни, профессиональной принадлежности, отношения к собственности и социального статуса. Человек, являясь членом различных общественных структур, характеризует себя, прибегая к формулам самоидентификации и вписывая себя в социально близкий ему круг лиц. Например: «*Я, Д-503, строитель Интеграла, – я только один из математиков Единого государства*» (Е. Замятин).

Особенностью выражения коллективной идентичности является наличие эталонного морфологического средства – личного местоимения *мы*, которое используется для акцентирования того множества лиц, к которому человек относит себя.

Семантико-грамматическим и коммуникативно-прагматическим особенностям местоимения *мы* посвящена обширная научная литература. Не углубляясь в проблематику, связанную с использованием этого местоимения, отметим, что наибольшие споры вызывает категория числа применительно к местоимениям *я* и *мы*. Размышления о составляющих местоимения *мы* приводят к выводу о том, что «семантическая сложность *мы* в русском языке обусловлена как неопределенностью второй составляющей “совокупного субъекта” (“не-я”), так и возможностью различного долевого участия партнеров в рамках этого субъекта» [10, с. 233]. Идея о доле-

участии других субъектов коммуникации получает развитие в работе И. Ю. Граневой, которая систематизирует коммуникативно-прагматические типы употреблений *мы* [2].

В академическом дискурсе известно преподавательское и научное *мы*, в политическом дискурсе – партийное *мы*, в общении врача с пациентом применяется докторское участливо-совокупное *мы*, в рекламных текстах – рекламное *мы*. Все эти и другие употребления *мы* служат сигналами интерактивности, реализуемой местоимением. Употребления местоимения *мы* и его английского аналога *we* как средств диалогизации и включения адресата в некое сообщество попадают в поле зрения зарубежных и отечественных исследований (см.: P. Bull, A. Fetzer [12], A. De Fina [13], I. Fortanet [14], M. Handford [15], O. Krapivkina [16]).

В межличностном общении *мы* служит средством регуляции текущих отношений, как в примере (1):

(1) –...*Дом это часть человека.*

– *Мы это понимаем.*

Мельников назвал себя на «мы». Вероника знала, что решать будет он, но Мельников пожелал сделать вид, что от него ничего не зависит, вернее, не все зависит только от него (В. Токарева).

Примеры различного семантического наполнения местоимения *мы* убедительно свидетельствуют о диффузности, «размытости» его содержания, которую хорошо иллюстрируют примеры (2) и (3) из романа «Таинственная страсть» В. Аксенова. Говорящий более или менее определенно формирует для

себя этот коллективный субъект, но для слушающего остальная часть этого *мы* совершенно неясна, и она требует уточнения:

(2) – *Хороший парень, – улыбнулся Роберт. [...] – Мы все к нему очень хорошо относимся.*

– *Кто это «мы»? – вдруг с некоторой зловецинкой спросил МДДМ.*

– *Ну, наша компания.*

– *Ваша старая компания?*

(3) *Однажды Юрченко его спросил:*

– *Вот ты все время говоришь «мы вступаем... мы развалимся, если...», скажи, кого ты имеешь в виду под «мы»?*

– *Под «мы» я имею в виду Советский Союз, – ответил он.*

Приведенные примеры демонстрируют, каким мощным инструментом манипуляции может быть местоимение *мы*: оно представляет собой в языке своего рода «джокер», т. е. карту, которая может принимать любое значение, какое захочется игроку (говорящему). И понятно, что по ряду причин адресат может не доискиваться, что за вторая составляющая (кроме «я») в этом *мы* – иногда ему проще «по умолчанию» согласиться с говорящим, преследующим свои иллюкутивные цели. И вот тогда-то адресат речи попадает в идеологический капкан. Стоит отметить, что, хотя манипулятивный потенциал этого местоимения как инструмента формирования идеологии тоталитаризма, а также средства формирования демагогического дискурса достаточно хорошо описан, современная речевая практика свидетельствует о том, что ресурсы высказываний с местоимением *мы* настолько обширны, что исследовательский интерес к этому местоимению и его прагматическому потенциалу не угасает.

В рамках данной статьи сосредоточимся на специфике употребления местоимения *мы*

в конструкциях со значением социальной самоидентификации и самопрезентации. В таких употреблениях дейктическая функция этого местоимения может быть ослаблена, т. к. оно отсылает не к непосредственным участникам коммуникации, а к некоему множеству людей, которое в отдельных случаях (обычно в политических текстах) может и не включать в себя субъект «я». Например, Н. И. Бухарин, по своему происхождению и социальному статусу не относящийся ни к рабочим, ни к крестьянам, пишет: «Начиная с 1924 года мы, рабочий класс и крестьянство прежней царской России, начали довольно быстро вылезать из ужасной разрухи, стали залечивать тяжелые раны, стали изживать неурядицу и беспорядок, царившие в прошлые годы».

Для ограничения текстовых фрагментов *мы* применим формальный критерий, рассматривая только те контексты, которые содержат форму *мы* во всех его падежах и по своим логико-синтаксическим особенностям либо являются предложениями таксономической и оценочной характеристики с именным предикатом (например, *мы учёные*), либо представляют собой конструкции с синтаксической аппликацией, которые обычно трактуются в грамматиках как обособленные приложения («*Нам, ученым, хорошо там, где есть условия заниматься наукой*», Д. Гранин).

При систематизации материала рассматривается взаимодействие семантики местоимения *мы* с номинациями совокупностей лиц. В качестве предикатов в таких предложениях выступают имена отдельных субъектов в форме множественного числа существительных, а также наименования совокупностей (*семья, бригада, правительство* и др.). А. В. Румянцева выделяет три семантических типа языкового представления людских множеств:

- собирательные совокупности (*крестьянство*);
- коллективные совокупности (*семья*);
- актуально-ситуативные совокупности (*толпа*).

Исследовательница утверждает признак дискретности, свойственный наименованиям совокупностей лиц: «На дискретность множества могут указывать наличие у производной номинации внутренней формы (*студент – студенчество*), парадигматические отношения с номинацией лица (*электорат – избиратель; семья – отец, мать, дети*), а также синтагматические связи номинации людского множества и контекст в целом»¹.

В то же время в языке существуют такие наименования совокупностей лиц, которые противоречат дискретности, представляют множество как однородную массу (*рабочая сила, все прогрессивное человечество, братство советских народов, верхи и низы, политические элиты, средний класс, потерянное поколение*). Такое множество представляет собой «сращенное» единство, допускающее лишь виртуальное вычленение составляющих его частей с невозможностью счета. Эти устойчивые словесные комплексы, сближающиеся с фразеологическими единицами, почти не отражены в лексикографических источниках и трудно поддаются систематизации по причине постоянного обновления состава класса.

Сопоставляя имена совокупностей и имена отдельных объектов в форме множественного числа, О. Н. Ляшевская пишет: «...Совокупности сохраняют идею ‘много X’ в более чистом виде, не накладывая ограничения на целостность времени-места, на особое предназначение объекта. <...> замена имени совокупности на множественное число имени отдельного объекта возможна далеко не всегда. Основное требование к такой замене – однородность обозначаемых совокупностью лиц или предметов, ср. *Российское офицерство поддерживает реформы ≈ Российские офицеры поддерживают реформы*» [8, с. 164].

В конструкциях со значением самоидентификации смысловые различия между формами множественного числа конкретных имен и собирательными существительными носят еще и ценностный характер: собирательное имя в силу обобщенного его значения предполагает, что говорящий подчеркивает категориальную значимость группы, её корпоративный характер, ср.: «*Мы интеллигенция, фермент, который должен соединить рабочих и крестьян в одну силу*» (М. Горький).

Из БТСРС² были выявлены все лексические классы единиц (729 единиц), называющих совокупности лиц, т. е. приспособленные для выражения идеи совместно существующих, действующих, функционирующих субъектов.

Значительная часть этих единиц служит для обозначения наций и народов (281) и со-

¹ Румянцева А. В. Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 10.
Rumyantseva A. V. Comprehensive Analysis of the Ways of Expressing Collectivity in the Russian Language. Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Moscow, 2007. (In Russian)

² БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2005. – 864 с.
Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographical description. Synonyms. Antonyms (Ed.) L. G. Babenko. Moscow, AST-Press Publ., 2005. – 864 p. (In Russian)

циальных отношений (185). Остальные распределяются по денотативным сферам: военная служба (58), политика (36), управление (31), религия (25), родственные и семейные отношения (24), искусство (20), производство (19), спорт (18), по десять и менее единиц включают сферы науки, права, медицины, образования, средств массовой информации, сельского хозяйства.

Более дробная классификация имен, называющих совокупности лиц и отражающих сложность социальной стратификации общества, содержится в РСС³, где, в отличие от БТСРС, совокупности лиц выделены в самостоятельную тематическую область. Например, все имена, характеризующие совокупности лиц, связанных социальными отношениями, в этом словаре делятся на постоянные и временно созданные объединения, высшие и низшие слои общества и другие подтипы.

Словари не ставят перед собой задачу отобразить новые лексические единицы, которые обозначают лиц, связанных некими социальными функциями. Например: *креативный класс*, *офисный планктон* и др. Эти языковые единицы чувствительны к социальным изменениям в обществе: еще недавно употребительные в политической коммуникации *белоленточники* и *болото* для обозначения оппозиционеров, *ватники* и *уралвагонзавод* для характеристики рабочих, поддерживающих официальную политику, постепенно теряют свои позиции, на смену им приходят новые номинации групп. Поэтому репертуар лексических единиц, называющих имена совокупностей, оказывается в текстах реально шире того, что зафиксирован в лексикографических источниках.

Сосредоточившись только на конструкции «Мы – N», где N – имя, характеризующее группу лиц по социальному статусу (понимание социального статуса представлено в работах В. И. Карасика [4], И. Е. Кима [5], Л. П. Крысина [6]), сформулируем определенные закономерности, диктующие распределение конструкций со значением коллективной самоидентификации по семантико-прагматическим и частным синтаксическим моделям:

1. N – слово, называющее социальный индекс (профессиональную, религиозную, политическую и другую принадлежность лица к социальным группам). Это наиболее типичный способ коллективной самопрезентации, при котором в качестве предиката выступают как словоформы множественного числа (*мы писатели*, *мы ученые*, *мы православные*, *мы коммунисты*), так и собирательные имена (*мы пролетариат*, *мы крестьянство*, *мы офицерство*, *мы публика*). В этом случае местоимение *мы* включает в себя говорящего и некую корпоративно обобщенную группу лиц, относительно которой В. В. Химик пишет: «В то время как собственно корпорация лиц, к которой относит себя говорящий (“мы”), обычно достаточно определена, её количественный состав, круг объединяемых лиц, за исключением обязательной инклюзии говорящего, не всегда достаточно ясен. В силу этого рассматриваемый вариант авторского “мы” нередко отличается известной неопределенностью, “алгебраичностью” семантики. <...> В результате употребление этих средств в диалогической речи иногда создает некоторый коммуникативный дискомфорт – возможность различного толкования воспринимаемыми лицами инклюзивного мы (кто ещё, кроме говорящего?)» [11, с. 47–48].

³ РСС – Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. 762 с.

Russian Semantic Dictionary / Ed. By N. Y. Shvedova. Volume 2. 762 p. (In Russian)

Иллюстрацией последнего тезиса может стать следующий пример:

Новый русский спрашивает своего служащего:

– *Какой сегодня день?*

– *Сегодня у нас вторник, – отвечает тот.*

– *То есть как это «у нас»? – удивляется новый русский. – С каких это пор вы стали моим компаньоном?*

(Сборник «Анекдоты и байки про новых русских»).

В функции самоидентификации в метонимическом значении способны выступать наименования организаций и учреждений (*мы администрация, мы школа, мы университет*). Метонимические обозначения используются также для называния временных социальных ролей. Например: «*В общем я поняла, что это мне напоминает – «Титаник» в миниатюре. Мы-то не утонем, мы первый класс, у нас заплачено за шлюпки*» (Т. Толстая). Однако временно созданные объединения, такие как *делегация, жюри, команда, комиссия, президиум, экспедиция*, для формул самоидентификации применяются нечасто. Вероятно, коллективное самосознание склонно оперировать постоянными социальными ролями, отражая систему общественных отношений.

Подтверждением этому являются частотные данные, которые приводит О. Н. Ляшевская, рассматривая грамматические профили существительных, предрасположенных к образованию «коллективов»: «В именах лиц примерно с равным успехом представлены формы единственного и множественного числа. Однако в отдельных лексических группах наблюдается большой разброс. Имена родства в основном встречаются в форме ед.

числа, имена профессий показывают, распределение, близкое к среднему», максимальна представленность форм множественного числа у этнонимов [9, с. 327]. Приводимые в данной работе статистические показатели свидетельствуют о том, что названия профессий чаще используются как имя класса (*железнодорожники, предприниматели, военнослужащие геологи, социологи* и т. п.), однако единственность свойственна названиям руководителей (*режиссер, дирижер, продюсер*) и названиям профессий в области сервиса (*домработница, няня, таксист, повар*) [9, с. 333–334].

2. N – слово, характеризующее возрастную и гендерную принадлежность. В функции предиката могут выступать как формы множественного числа («*Мы, женщины, повелительницы котлов, изобретательницы каш...*», Н. Заболоцкий), так и собирательные имена («*Сугробов навалило выше домов, и мы, детвора, катались на лыжах с крыши, проезжая мимо дымящихся печных труб*», А. Ким).

Признак возраста и пола, казалось бы, не связан с социально значимой ситуацией, требующей коллективной рефлексии, хотя, безусловно, для личной самопрезентации эти признаки могут быть актуальны. По данным Национального корпуса русского языка⁴, обнаруживается специфика в распределении имен коллективной гендерной идентичности: 373 контекста на конструкцию «мы женщины» и всего 89 «мы мужчины» при почти равном соотношении аналогичных конструкций с местоимением *я*. Женщинам более свойствен коллективный образ мышления и поступков. Примечательно, что в формулах коллективной идентичности женщины приписывают себе преимущественно самоуничижи-

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>

тельные характеристики: *глупые, слабые, неопытные, мелочные, болтливые, капризные, доверчивые, трусливые*, однако действия, выступающие в качестве самохарактеристик, расходятся с этим стереотипом. Например: «*Пережито многое... И многое впереди. Но я в нас верю. Мы снова прикроем, закроем, спасем и утешим – теплом и любовью, верой и верностью*» (М. Метлицкая).

Специалистами по русской разговорной речи отмечается склонность к использованию местоимения *мы* для речевого поведения женщин [3]. Это эмоциональное *мы*, маркирующее объединение со своими детьми, мужем, родителями, подругами и ровесниками, обнаруживается даже в женских мемуарных текстах, которые, казалось бы, должны транслировать личный, индивидуальный опыт человека. Использование *мы* повышает значимость сказанного, переводя личный опыт женщины в опыт поколения.

3. N – имя, характеризующее этническую, а также региональную принадлежность лица. Например: «*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, С раскосыми и жадными очами!*» (А. Блок).

Тема этнического самоопределения и существования автостереотипов (представлений о своей этнической общности) осмыслена в литературе по психологии, социологии, этнолингвистике, теории межкультурной коммуникации. Рассматривалась она и на материале высказываний со значением самоидентификации и самопрезентации [7, с. 110–134]. Отметим конфликтный потенциал таких конструкций, служащих средством выражения гиперидентичности, т. е. представления о своей этнической общности как о лучшей, эталонной, следствием чего является враждебное отношение ко всем представителям «чужой» этнической общности.

Однако безусловный патриотический смысл реализуют высказывания, в которых говорящий связывает свою судьбу с судьбой города, региона, страны: «*Одною небывалою борьбой, одной неповторимою судьбой, мы все отмечены. Мы – ленинградцы*» (О. Берггольц); «*И нам по нраву наше имя: Да, мы Москва. Да, мы – Сибирь*» (А. Твардовский). Если в первом примере обозначена принадлежность лица к множеству, то во втором топоним выступает способом особой категоризации мира, когда каждый гражданин страны причастен к тому великому, что происходит в Москве или Сибири.

Большей семантической сложностью характеризуются конструкции с компонентом «народ», в которых реализована идея единства. Например: «*Мы – народ сверхъестественной живучести и настолько причудливо талантливый, что умеем выводить пользу даже из общественно-хозяйственных катастроф*» (В. Пьецух). В результате поиска контекстов в Национальном корпусе русского языка, соответствующих модели «мы – народ А», где А – это прилагательное, обнаруживаются следующие употребления (распределены по степени убывания): *мы – народ темный, терпеливый, бедный, русский, простой, маленький, дикий, вольный, легкий, покладистый, чрезмерный, хлебосольный*. При ином порядке компонентов, когда прилагательное находится в препозиции к слову «народ», возникают предложения, в которых отчетливо выражается идеологический смысл: *мы – русский (многонациональный, советский, великий, государственный) народ*. Называя сложное и многомерное явление, слово «народ» в высказываниях с семантикой самоидентификации обозначает некий идеальный объект, значение которого предельно обобщенно и неопределенно.

Отдельные примеры со словами «нация» и «этнос» в предложениях со значением идентификации носят, скорее, окказиональный характер. Так, в известном высказывании И. Бродского отражен отчасти гумбольдтианский взгляд на связь языка и национального характера «*Мы нация многословная и многосложная, мы – люди придаточного предложения, завихряющихся прилагательных*» (И. Бродский).

4. N – имя, характеризующее человека по характеру, поведению, образу жизни, интересам. В этой модели используются формы множественного числа, например: «*Мы все от рождения полиглоты*» (Д. Петров). Собирательные имена в этой тематической области отсутствуют, и это вполне объяснимо: особенности характера, поведения, интересов – это проявления человеческой индивидуальности. Формы множественного числа, например, таких существительных, как *храбрецы, смельчаки, добряки, весельчаки, обманщики*, используются крайне ограниченно в формулах коллективной идентичности, что можно объяснить уникальностью поведенческих реакций и трудностью их категоризации в отношении коллективных субъектов. Индивидуальные характеристики человека трудно поддаются «суммированию».

В связи с рассматриваемой моделью представляет интерес конструкция «Мы люди А», где А – прилагательное (*мы люди простые, темные, маленькие, бедные, грешные, скромные*). Такие высказывания реализуют значение самоумаления говорящего, а местоимение *мы* используется зачастую для обозначения *я* говорящего лица. В то же время наличие положительных оценочных образов почти

всегда предполагает наличие реального множественного субъекта: *мы люди работающие, мы люди культурные, мы люди образованные*.

5. N – имя, называющее некую маску, образ, который используется для того, чтобы представить себя в виде кого-то, идентифицировать себя с кем-то.

При разнообразии метафорических образов, выбираемых в качестве символов коллективной идентичности, обнаруживается и некоторая закономерность в грамматической специфике единиц. Это либо существительные *pluralia tantum* («*Мы – уста пространства и времени*», А. Тарковский), либо те существительные, в семантике которых заключена идея повторения, воспроизведения, отражения («*Мы – эхо, мы долгое эхо друг друга*», Р. Рождественский; «*Мы – зеркала, где все отображенья чудесно множатся и движутся, дробясь...*», Б. Слуцкий). Если же выбирается иной метафорический образ, то подчеркивается его партитивный характер по отношению к некоему целому: «*Мы – искры от единого костра*» (Е. Кузьмина-Караваева); «*Мы – пена в мутном потоке пресловутой красной волны*» (К. Кинчев).

Это же соображение об единстве группы лиц, встраиваемой в *мы*, отражено в модели, которая связывает *мы* с местоимением *они*.

Прагматическое противопоставление *мы* и *они* является основой конфликтного дискурса. «Понятие *они* концентрирует в себе черты далекого и неизвестного, чужого и чуждого, а потому склонно к негативной коннотации <...>. В сферу множественного 3-го лица втягиваются такие межличностные отношения, как незнание, дистанцирование, недоверие, неприязнь, вражда и т. п.»⁵ И в то же

⁵ Норман Б. Ю. «Вот простые слова»: мы и они // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Межд. науч. конф., посвященной 200-летию со

дня рождения М. Ю. Лермонтова / под ред. П. А. Леканта. М., 2014. – С. 192–197.

время отвлеченные раздумья о судьбах всего человечества приводят писателей и поэтов к мысли о единстве всех живших и ныне живущих, о связи поколений. Эта мысль звучит в стихотворении С. Кирсанова «Ночь под новый век», сюжет которого связан с письмом, написанным в 1941 году убитым солдатом и прочитанным накануне нового XXI века:

Я –
это ты,
твоими друзьями, продленный
до полного мира,
до крайней мечты,
до века,
где счастьем,
как снегом,
засыпаны все рубежи <...>
И мы –
в обновленные дни
прошедшие дальше,
прожившие дольше, –
они.

Мысль о единстве звучит в лозунгах против национальной нетерпимости («Они – это мы, мы – это они»), размышлениях о пришельцах с других планет («Мы – это они или наоборот?»), указаниях на связь человека с животным миром («Разве мы – не они, только в увеличенных размерах?»).

В формулах самоидентификации местоимение *мы* служит средством выражения коллективистской идеи, подавляя отдельность его членов и фиксируя целостность того множества, которому приписывается индекс *мы*.

Представляют также интерес конструкции *мы с тобой* и *мы с вами*, используемые в функции инклюзивной автореференции (подробнее об этом см.: [1]), которые в данной

статье специально не рассматриваются ввиду того, что они ограниченно используются в идентификационных функциях. В интересующем нас значении самоидентификации иногда применяются конструкции с отрицанием, в которых создание общего коммуникативного пространства между говорящим и адресатом служит различным прагматическим целям – от утешения до упрека: «*Ведь мы с вами не вояки, правда? Вы – девушка, существо робкое. Я – инвалид*» (Д. Рубина), «*Мы с вами не дети, чтобы верить в такие вещи*» (Л. Юзефович). В контекстах с отрицанием возможно использование оценочных номинаций совокупностей, например: «*Мы не дураки – в карты не играем*» (А. Арбузов); «*Мы не воры, не растрачители и себе домой эту лососину в рукаве не таскаем*» (И. Ильф и Е. Петров).

Следует оговорить, что в системе наименований множеств есть группа стилистически маркированных слов с ярко выраженными пейоративными коннотациями (*солдатня, шоферье, ворье, хамье*), которые не используются в функции самоидентификации в силу экспрессивности и заложенного в них враждебно-неуважительного отношения к группе лиц. Если субъекту «я», т. е. самому себе, говорящий может приписывать негативные черты с целью саморазоблачения или самоумаления, то *мы* окрашено исключительно позитивными коннотациями.

Человек в принципе склонен оценивать себя позитивно. Критическая оценка самого себя обычно ограничивается временными или пространственными рамками: «это здесь, сейчас я оплошал», «это в этом я виноват» и т. п. Но распространять такую негативную оценку

Norman B. Y. 'These Are Simple Words': 'Мы' and 'Они' // The Rational and Emotional in the Russian Language: Proceedings of the International Conference Ded-

icated to the 200th Anniversary of the Birth of M. Y. Lermontov / Ed. by P. A. Lekanta. Moscow, 2014. – P. 192–197. (In Russian)

на коллективного субъекта, в который говорящий входит, у него мало прав: он связан с другими составляющими *мы*, так сказать, презумпцией позитивности (*мы* – это не *они*).

Неупорядоченные множества (*орава*, *скопище*, *сброд* и др.) также не применяются для самоидентификации, т. к. они хаотичны, неконтролируемы, неорганизованны и часто связаны с идеей социально осуждаемых действий (*шайка рэкетиров*, *свора критиков*), что препятствует их приписыванию коллективному субъекту, в который включен говорящий.

Итак, каждое *мы* в конструкциях самоидентификации образует свою собственную референцию и соответствует определенному референту – говорящему лицу, группе лиц, однородной или неоднородной, дискретной или не дискретной. Все это позволяет говорить об определенной семантической энтропии, размывающей содержание местоимения *мы* в речевых актах, которые формально выражают идею самоидентификации.

Семантический кластер *мы* существует в сознании индивида – того человека, который это *мы* произносит. Именно говорящий формирует (с некоторой долей размытости) ту общность, в которой находит для себя место. Сколько говорящих – столько и может быть разных *мы*, и даже намного больше, потому

что каждый человек, как нам известно, входит в одно и то же время в множество постоянных и временных коллективов, ср.: *«Мы нашего отряда, Мы футбольной команды, Мы палатки, Мы стола в столовой, Мы, которые курим, Мы, которые поем хором... Мы евреи, Мы всех людей...»* (И. Ефимов).

Будучи с формальной точки зрения конструкциями со значением коллективной самоидентификации, содержательно такие конструкции служат средством самоидентификации говорящего, его интенции быть включенным в некий коллектив. Например:

«– Только вилку ему подавай! Пряма интеллигенция!»

<...> ее слова обращались ко всем, кто лежал в палате, всех призывали в свидетели моей личности.

– А чем мы не интеллигенция? – бойко отозвался мой сосед Колян с вытатуированными на плече тремя куполами. – Мы самая интеллигенция и есть» (Е. Чижов).

Формируемая в речи сфера множественного субъекта не позволяет считать ее проявлением коллективной самоидентификации. Идентификация остается личностной, но говорящий с известной долей свободы формирует некий виртуальный коллектив, который другими членами коллектива, а также слушающим может не признаваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайсс Д. Типы автореференции в современном русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 627–640.
2. Гранева И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4-2. – С. 494–496.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 90–136.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 334 с.

5. **Ким И. Е.** Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 192–199.
6. **Крысин Л. П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 188 с.
7. **Лаппо М. А.** Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
8. **Ляшевская О. Н.** Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 400 с.
9. **Ляшевская О. Н.** Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. – М.: ЯСК. Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 520 с.
10. **Норман Б. Ю.** Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия // Russian Linguistics. – 2002. – Vol. 26, № 2. – С. 217–234.
11. **Химик В. В.** Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 184 с.
12. **Bull P., Fetzer A.** Who are *we* and who are *you*? The strategic use of forms of address in political interviews // Text and Talk. – 2006. – Vol. 26, Issue 1. – P. 3–37.
13. **De Fina A.** Pronominal choice, identity and solidarity in political discourse // Text. – 1995. – Vol. 15, Issue 3. – P. 379–410.
14. **Fortanet I.** The use of ‘we’ in university lectures: References and function // English for Specific Purposes. – 2004. – Vol. 23, Issue 1. – P. 45–66.
15. **Handford M.** Cultural identities in international, interorganisational meetings: a corpus-informed discourse analysis of indexical *we* // Language and Intercultural Communication. – 2014. – Vol. 14, Issue 1. – P. 41–58.
16. **Krapivkina O. A.** Pronominal Choice in academic discourse // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2014. – Vol. 20, Issue 7. – P. 833–843.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.10)

Boris Yustinovich Norman, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus; Leading Researcher of the Department of Contemporary Russian language and applied linguistics, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

E-mail: boris.norman@gmail.com

Anna Mikhailovna Plotnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Contemporary Russian language and applied linguistics, Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

E-mail: annamp@yandex.ru

STRUCTURES WITH THE PRONOUN *MY*: FORMATION OF ACTUAL AND OCCASIONAL COLLECTIVE IDENTITY

Abstract

The article discusses how Russian speakers linguistically construct their social self-portraits by relating themselves to specific social groups. The analysis focuses on syntactic structures with semantics of taxonomic or evaluative characterization which fit the model 'Мы – N' ('We are N'), where N is a noun or a personal pronoun. The relevant linguistic units found in the utterances in question were selected on the basis of the data provided by ideographic dictionaries.

The most typical way of collective self-presentation is the usage of social class indices as predicates. These are words referring to the person's professional, religious, political and other identity: for example, 'we are writers', 'we are scientists', 'we are Orthodox Christians', 'we are the Proletariat', or 'we are peasants'. In self-identification formulae, pronoun 'мы' expresses collectivism by suppressing individuality of its members and focusing instead on the unity of the group which corresponds to index 'мы'.

The analysis has established that there are certain differences between collective names and plural forms in the Russian language. Linguistic units used for self-presentation and self-identification perform diverse functions due to the fact that a person as a member of various macro and micro social structures enters into multiple social relationships. Each of the five models of social self-identification and self-presentation described in this article is linked to the strategies of speech behavior by which the speaker identifies themselves with a specific social group thus attaining significant personal goals.

This research makes a special emphasis on the structures in which self-identification is used to create a 'speech mask', a special figure of speech. We analyze metaphoric expressions which allow the speaker to create unique characteristics of identity. Although formally these are structures of collective self-identification, semantically they serve as a way of speaker's self-identification and express his or her intention to be included into a certain social group.

Keywords

Pronoun 'мы', semantics, pragmatics, syntactic structures, identity, social status

REFERENCES

1. Weiss D. Types of ego-references in contemporary Russian. *Meanings, texts, and other exciting things*. Moscow, Languages of the Slavic Culture Publ., 2012, pp. 627–640. (In Russian)
2. Graneva I. Y. Pronoun ‘Мы’ as a Means of Ideological Manipulations in the Russian Linguistic Worldview. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2010, no. 4-2, pp. 494–496. (In Russian)
3. Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. A., Rozanova N. N. Characteristics of Male and Female Speech. *Functioning of the Russian Language*. Ed. By E. A. Zemskaya and D. N. Shmelev. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 90–136. (In Russian)
4. Karasik V. I. *Language of Social Status*. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 334 p. (In Russian)
5. Kim I. E. Three Methods of Modelling of Social Realia in the Contemporary Russian Language. *Siberian Philological Journal*. 2011, no. 1, pp. 192–199. (In Russian)
6. Krysin L. P. *Sociolinguistic Aspects of Studies in the Modern Russian Language*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 188 p. (In Russian)
7. Lappo M. A. *Self-Identification: Semantics, Pragmatics, and Language Resources*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013, 180 p. (In Russian)
8. Lyashevskaya O. N. *Semantics of the Category of Number in the Russian Language*. Moscow, Languages of the Slavic Culture Publ., 2004, 400 p. (In Russian)
9. Lyashevskaya O. N. *Corpus Tools in Grammar Studies of the Russian Language*. Moscow, Languages of Slavic Culture: Manuscripts of Ancient Rus Publ., 2016, 520 p. (In Russian)
10. Norman B. Y. Russian Pronoun ‘Мы’: Inner Drama. *Russian Linguistics*. 2002, vol. 26, no. 2, pp. 217–234. (In Russian)
11. Khimik V. V. *The Category of Subjectivity and its Expression in the Russian Language*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1990, 184 p. (In Russian)
12. Bull P., Fetzer A. Who are *we* and who are *you*? The strategic use of forms of address in political interviews. *Text and Talk*. 2006, vol. 26, issue 1, pp. 3–37.
13. De Fina A. Pronominal choice, identity and solidarity in political discourse. *Text*. 1995, vol. 15, issue 3, pp. 379–410.
14. Fortanet I. The use of ‘we’ in university lectures: References and function. *English for Specific Purposes*. 2004, vol. 23, issue 1, pp. 45–66.
15. Handford M. Cultural identities in international, interorganisational meetings: a corpus-informed discourse analysis of indexical *we*. *Language and Intercultural Communication*. 2014, vol. 14, issue 1, pp. 41–58.
16. Krapivkina O. A. Pronominal Choice in academic discourse. *Middle-East Journal of Scientific Research*. 2014, vol. 20, issue 7, pp. 833–843.